

Р. А. Казакова

магистрант филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

Научный руководитель **А.В. Герцик**, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

ТВОРЧЕСТВО АННЫ АХМАТОВОЙ В РУСЛЕ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Среди бесценных духовных сокровищ, которыми Россия так богата, особое место принадлежит женской лирической поэзии. Этот жанр созвучен женской душе.

Феномен русской женской поэзии вызывал всегда, вызывает и ныне множество критических суждений. Разного рода замечаний здесь еще больше, чем в споре о женской прозе, поскольку в российском масштабе оно представлено целой плеядой прославленных имен, в числе которых Евдокия Ростопчина, Каролина Павлова, Ирина Одоевцева, Анна Ахматова и Марина Цветаева. За всеми именами – творчество, выразившее свою эпоху в полной мере. Только погружаясь во все разнообразие лирической стихии, поэт обретает силу, полноту и целостность ощущения жизни. Лиризм – это чудесная способность поэта всякий раз, в неповторимости данного мгновения, увидеть мир как бы заново, почувствовать его свежесть, изначальную прелесть и ошеломляющую новизну. А именно эти качества присущи женской душе. Говоря о женской лирике, следует рассматривать все ее многообразие лирику философскую, гражданскую, пейзажную и любовную.

Наверное, это явление трудно «не замечать», так как оно в отечественном и мировом масштабе имеет плеяду, безусловно, признанных имен. Это прославленные поэтессы античности Сапфо и Коринна. Это совсем близкие нашему времени Зинаида Волконская муза

многих поэтов, Евдокия Ростопчина, Каролина Павлова, Зинаида Гиппиус. Замечательные страницы женской поэзии прошлого века вошли в сокровищницу литературы, но только в XX веке женщины обрели полный поэтический голос в лице Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Жизненный и творческий путь Анны Ахматовой охватывает более полу столетия XX века – здесь русско-японская война, не прошедшая ни мимо ее сознания, ни мимо стиха, ни та сложнейшая и богатая поэтическими достижениями эпоха, которую мы называем Серебряным веком и откуда она родом, здесь и Первая мировая война, и сталинские репрессии, не обошедшие ее семью, и великая Отечественная война, и, наконец, величавый и плодоносный закат, увенчанный отечественным и международным признанием.

Марина Ивановна Цветаева – одна из наиболее интересных поэтесс Серебряного века. Однако ее творчество было долгое время не только недоступно широкому читателю, но и до настоящего времени еще не опубликовано полностью. Это объясняется многими причинами, и в том числе, непримиримой позицией самой Марины Цветаевой, гордый характер которой общеизвестен.

Она не принадлежала ни к одному поэтическому направлению или школе, декларативно отказывалась от любых литературных влияний, на что сама указывала в дневниках («литературные влияния не испытывала, только человеческие»). И действительно, до сих пор исследователи придерживаются мнения, что творчество этой великой русской поэтессы настолько индивидуально и оригинально, что целиком не может быть отнесено ни к одному существующему в эпоху Серебряного века литературному направлению. Но этого мало: она абсолютно отказывалась и от сословных принадлежностей: «Я не дворянка – (ни гонора, ни горечи) и не хозяйка (слишком веселюсь), я не простонародье (слишком <пропуск>) и не богема (страдаю от нечищенных башмаков, грубости их радуюсь – будут носиться!). Я действительно, абсолютно, до мозга костей, – вне сословия, профессии, ранга. – За царем – цари, за нищими – нищие, за мной – пустота» [1, 14]. Это отречение от всего – можно сказать, всего земного, всех примет – не однажды встречается в дневниках. Гордое скрывает горькое («не снисхожу!»). Она чужая большинству поэтических объединений, человеческих дружб, только «из истории не выскочишь» [там же].

М. Цветаева – поэт, отразивший в своих произведениях самые различные пласты мировой культуры: стихию русского фольклора, традиции романтической поэзии русской, немецкой, французской, традиции классицизма, античной поэзии, стилистику высокого слога и стихию просторечия. Традиционность стилистики, поэтической образности и символики естественным образом продолжается у М. Цветаевой в смелом, нередко рискованном эксперименте, никогда, однако, не бывшем для нее самоцелью. Глубокое постижение культурных

универсалий приводит к их своеобразному преобразованию, переосмыслению, подчиненному философской концепции автора. Творчество М. Цветаевой, не принадлежавшей никакому литературному направлению, включает в себя признаки поэтического языка, характерные для символистов, акмеистов, имажинистов, футуристов, а также черты, присущие более поздним литературным направлениям и стилям.

Главная тема юношеских стихов А. Ахматовой – любовь. Об этом свидетельствуют сами названия лирических произведений: «Сжала руки под темной вуалью...», «Песня последней встречи», «Любовь», «Муж хлестал меня узорчатым...», «Я не любви твоей прошу...» и др. Но наряду с изысканностью чувства, в поэзии Ахматовой большое место занимает вещный, предметный мир, подробности и детали повседневного быта. Это создает особую, неповторимую атмосферу стиха: предметы каждодневного существования, обыденные человеческие действия выступают как фон, на котором разворачиваются любовные драмы лирических героинь.

Драматизм женского счастья подчеркнут в одноименном стихотворении и другой поэтессы, современницы А. Ахматовой, Аделаиды Герцык:

*Дева, тихая Дева!
Что ты все дома днюешь?
Днюешь дома, ночуешь? [2, 270].*

Драматургическое начало входит в лирику Ахматовой, придавая ей особую напряженность и выразительность звучания, приближая ее к живой жизни. Судьбы лирических героев решаются в ходе движения сюжета, ощущается внутренний ритм, с каждой строкой повышается интонация:

*Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна [1, 28].*

Драматизм содержания влечет за собой и драматическую форму: в стихотворении чередуются диалог и монолог, что придает зримость совершающейся на наших глазах драме. Финал лирического сюжета напоминает последний акт трагедии по напряженности действия:

*Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру» [1, 28].*

Изобразительные средства, используемые в стихотворении, отличаются лаконизмом и известной скупостью, глубина переживаний героев и сложность их отношений вложены поэтессой в жест и действие: «я сбежала, перил не касаясь», «задыхаясь, я крикнула», «улыбнулся спокойно и жутко» и т. п.

Какой-то таинственный голос, звучащий непонятно откуда и непонятно кому принадлежащий, слышит героиня стихотворения «Закат», которое написано Аделаидой Герцук:

*И кто-то верный, и кто-то дальний
Спешит по миру в ответ ему,
Струит дыханье, и гнет деревья,
И шепчет: «Вижу. Гаси. Гряди» [2, 267].*

Подобная же разноголосица характерна и для стихотворения Поликсены Соловьевой «Городская весна»:

*Гимназистка, гимназистик.
Он кладет ей в книгу листик.
Бантик снят с ее косы
«Хронология, законы...»
«У кузена нашей бонны
Так закручены усы!»
Вот студент. Он из «идейных»,
С ним две барышни «кисейных».
По песку рисует зонт.
«Декадентов не читаю».
«Что вы! Я предпочитаю
Старым их». – «Ах, да! Бальмонт!..» [2, 243].*

В поэзии Анны Ахматовой часто совмещаются противоположные начала: прихотливые изгибы чувства, тончайшие психологические переживания, обостренное внимание к оттенкам красок, состояниям человеческой души, стремление запечатлеть, «остановить» мгновение. За пределами тесного круга ахматовских строф вырастает обширный мир переживаний и событий, поэтесса раскрывает движение человеческой души в маленьком лирическом стихотворении, иногда даже в отдельной строфе.

Известная поэтесса «серебряного века» Мария Лохвицкая также использовала диалогический и монологический принципы при построении своих стихов; «Среди цветов» начинается монологом лирической героини:

*Вчера, гуляя у ручья,
Я думала: вся жизнь моя –
Лишь шалости да шутки.
И под журчание струи
Я в косы длинные свои
Вплетала незабудки [2, 224].*

Появление героя описано с использованием почти сценического эффекта неожиданности, оно выполняет роль завязки действия:

*Вдруг слышу шорох за спиной...
Я оглянулась... Предо мной,
И стройный, и высокий,
Стоит и смотрит на меня
Очами, полными огня,
Красавец черноокий [2, 224].*

Далее описан словесный поединок героини и героя, который выполняет свою роль в развитии лирического сюжета

*«Дитя, зачем ты здесь одна?
Смотри, взошла уже луна,
Огни погасли в селах...»
А я в ответ: «Среди цветов
Пасу я пестрых мотыльков,
Пасу стрекоз веселых» [2, 224].*

В облике лирической героини сплетаются черты феи и живой девушки, сама ситуация очень напоминает детскую волшебную сказку. Но безмятежный покой нарушен тем, что юноша обращается к ней не со сказочным, а с вполне земным предложением:

*И рассмеялся он тогда:
«Дитя, оставь свои стада
Пасти самой природе;
Пойдем со мной в прохладный грот...
Ты слышишь? – Соловей поет
О счастье и свободе...*

*Под вечный лепет звонких струй
Там слаще будет поцелуй,
Отраднее молчанье;
И не сомнется твой венок,
И не сотрется бархат щек
От нежного лобзанья» [2, 225].*

К развязке почти драматического сюжета противоречие детского и взрослого начал в душе героини усиливается; детскость спасла героиню от пылкого кавалера:

*Мне странен был язык страстей, -
Не тронули души моей
Мольбы и заклинанья;
Как лань пустилась я домой,
Стараясь страх умерить свой
И груди трепетанье... [2, 225].*

Но бегство не принесло избавление, потому что осталось искушение любви в душе неопытной и наивной девушки, ведь не случайно она боится бродить в местах своих недавних игр и забав, боится встретить «черноокого красавца» еще раз и поддаться искушению:

*С тех пор потерял мой покой! –
Уж не брожу я над рекой
В венке из незабудок,
Борюсь с желанием своим,
И спорит с сердцем молодым
Неопытный рассудок... [2, 225].*

Конфликт имеет не только внешнее выражение как противостояние «красавца» и девушки, но он постепенно углубляется, переходит в глубины души лирической героини, становится внутренним, психологическим, двухплановым.

Подобное же диалогическое построение характерно и для стихотворения «Полуденные чары»; сюжет его можно отнести ко временам крестовых походов, он тоже условен, как это было в предыдущем произведении. Только героиня здесь является человеком уже более зрелым, страх перед любовью давным-давно преодолен, она выступает здесь как лицо активное, призывающее мужчину к любовным утехам:

*«Привет тебе, путник! В шатер мой войди,
Останься, коль долог твой путь впереди;
Я фиников лучших для гостя нарву,
И миррой твою умащу я главу.*

*Я мех твой наполню струею вина...
Властитель уехал, войди, я одна...
Привет тебе, гость мой, посланный судьбой,
Да внидут и мир и отрада с тобой!» [2, 226].*

Мужчина невольно поддается любовному искушению, жарко целует женщину, забывая о цели своего путешествия:

*«Устал я, он молвил, и путь мой далек,
В край солнца и роз я спешу на восток...
Но некогда медлить... я еду... прощай!..
Один поцелуй лишь на счастье мне дай!»*

*Прозрачную ткань отвела я с чела
И с тихим смущеньем к нему подошла...
И вот наклонился ко мне он с коня
И обнял так крепко, так жарко меня [2, 226].*

Оба героя уже готовы забыть обо всем, но тут раздается крик ребенка, и героиня вспоминает о своем долге перед мужем и ребенком, а мужчина мчится дальше на своем горячем коне. Развязка сюжета так же неожиданна, как и во многих стихах А.Ахматовой.

Для стихотворения Поликсены Соловьевой «Старый месяц» также характерна условная ситуация, которая сопровождается еще и смысловой аллегорией; в нем чередуются диалог и монолог:

*В небе плакал месяц старый:
– Прожил, прожил жизнь свою!
Восходя, рождал пожары,
А теперь едва встаю. –
Дымки-тучки проползали,
Утешали старика,
Тихо, ласково шептали:
- Будет смерть твоя легка. –
Не унялся круторогий, не утешился старик:
- Был великий, стал убогий,
В небе царствовать привык,
А теперь никто не знает
О моей ночной поре
И никто не замечает,
Как бледнею на заре [2, 240].*

Стихотворение другой поэтессы – Зинаиды Гиппиус – «Поцелуй» построено как монолог лирического героя, в котором он обращается к возлюбленной, полный любовного томления:

*Когда, Аньес, мою улыбку
К твоим устам я приближаю,
Не убегай пугливой рыбкой,
Что будет – я и сам не знаю.*

*Я знаю радость приближенья,
Веселье дум моих мятежных;
Но в цепь соединю ль мгновенья?
И губ твоих коснусь ли нежных? [2, 261].*

Предчувствие ранней гибели звучит в стихотворении З. Гиппиус “Отрада”, но, в отличие от М. Цветаевой, Гиппиус сосредоточена в равной степени и на мрачном, и на светлом, герой стихотворения соединится с Мировой Душой и будет чувствовать полноту оставленной им жизни сверхчувственным, духовным восприятием:

*Мой друг, меня сомненья не тревожат.
Я смерти близость чувствовал давно,
В могиле, там, куда меня положат,
Я знаю, сыро, душно и темно.*

*Но не в земле – я буду здесь, с тобою,
В дыханьи ветра, в солнечных лучах,
Я буду в море бледною волною,
И облачную тенью в небесах [2, 258].*

Подобный же мотив ранней смерти мы находим и в поэзии Марии Лохвицкой:

*Я хочу умереть молодой,
Не любя, не грустя ни о ком;
Золотой закатиться звездой,
Облететь увядшим цветком.
Я хочу, чтоб на камне моем
Истомленные долгой враждой
Находили блаженство вдвоем...
Я хочу умереть молодой [2, 232 233].*

Трагизм и скоротечность земного бытия характерны и для лирических героев Allegro (Поликсены Соловьевой); приведенные ниже строки перекликаются с лермонтовской «Думой», в них тоже звучат мотивы исчерпанности жизни, раннего увядания:

*Мы живем и мертвеем,
Наше сердце молчит.
Мы понять не умеем,
Что нам жизнь говорит.*

*Отчего мы стыдимся
Слов нескромной весны?
Отчего мы боимся
Видеть вещи сны? [2, 237].*

Завершил раннее творчество А. Ахматовой сборник «Анпо Domini», изданный в 1921 г. Позади осталась короткая, но бурная эпоха, полная противоречий и социальных потрясений, – время революции и гражданской войны, неизбежные расставания, потери и жертвы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахматова, А. Сочинения в двух томах / А.Ахматова. Т. 1. М.: Правда, 1990. 450 с.
2. Царицы муз: Русские поэтессы XIX начала XX вв. / сост. В.В.Ученова. М.: Современник, 1989. 448 с.